

В аптеке Бянь Хун почти не говорил, просто молча сидел в стороне и наблюдал, как старый лекарь одну за другой взвешивает порции трав на аптекарских весах, аккуратно заворачивает каждую в промасленную бумагу, туго перевязывает и складывает в небольшую стопку. Рядом он положил узелок с серебром - вырученные за сданные травы деньги, и всё это передал Жун Фэну.

— Со здоровьем твоей матушки я уже сделал всё, что мог, — вздохнул старик. — Время подошло, лампа догорела. Сильные лекарства лишь поддержат немного... Хоть бы этот Новый год перешагнуть. Эх...

Жун Фэн молча стоял у лекарственного шкафа. Лишь когда старик легонько хлопнул его по плечу, он протянул руку и взял пакет с лекарствами и деньгами.

В этот момент в лавку вернулся маленький аптекарский ученик. Обеими руками он нёс поднос, на котором стоял глиняный кувшин с бульоном. Весело и с воодушевлением он подбежал к старику.

— Дедушка, дедушка! Вот, пей скорее! Тётушка Сунь с угла дала целый кувшин супа, велела принести тебе для подкрепления! Ты же сам говорил, что в начале зимы самое время пить похлёбку из баранины - она и силы даёт, и тело греет! Смотри, какая наваристая!

Мальчишка, с двумя смешными пучками волос, был полон радости. Но, подняв голову, вдруг увидел Жун Фэна у прилавка. Тот как раз наклонился, и их взгляды пересеклись.

Мальчик смотрел снизу вверх и как раз под правильным углом, чтобы разглядеть под полями соломенной шляпы Жун Фэна необычные глаза: один карий, другой светло-голубой.

— А-а-а! Спасите! Призрак! — закричал маленький ученик, в ужасе отшатнулся и с грохотом рухнул на пол.

Кувшин с горячим бараньим бульоном выскользнул у него из рук, покатился и вылил почти всё содержимое прямо на верхнюю часть бедра Жун Фэна. Мальчик, рыдая навзрыд, пополз к прилавку, к старому лекарю, у которого искал защиту.

Жун Фэн и так был в полубеспамятстве, ошеломлённый только что произнесённым приговором одного из самых уважаемых целителей, что его мать доживает последние месяцы. На всё произошедшее он отреагировал с замедленной отрешённостью. Он едва успел отступить, и только часть кипящего супа пролетела мимо, большая же порция обожгла его насквозь, пропитала одежду и окатила кожу.

Бянь Хун вскочил с места молниеносно. Первое, что он сделал - оказался перед Жун Фэном и без раздумий начал расстёгивать пояс. В этом мире ещё не существовало антибиотиков, любая открытая рана могла обернуться смертельной инфекцией, особенно ожог. А у этого мужчины рана на плече только-только начала заживать. Никто не мог гарантировать, что организм

выдержит ещё одно повреждение, такое, что способно стоять жизни.

Старый лекарь не стал даже отчитывать мальчишку - тотчас развернулся, зашагал к полке, вытаскивая холодную воду и мазь от ожогов. Шевелился он с такой живостью, что в глазах Бянь Хуна выглядел куда расторопнее, чем тот ученик, которого сам и воспитал.

Бянь Хун несколькими быстрыми движениями стянул с Жун Фэна штаны. Тот и сам ощущал жжение от ожога очень остро, но в момент, когда юный ланьцзюнь вдруг оказался так близко и стал стаскивать с него одежду, Жун Фэн рефлекторно попытался прикрыться. Однако Бянь Хун решительно отшвырнул его руку, не давая возразить.

В те времена люди редко носили нижнее бельё, и Бянь Хун это прекрасно знал. Но когда ткань соскользнула, и он увидел не только ярко-красный ожог на внутренней стороне крепкого бедра, но и всё остальное, зрелище оказалось слишком близким, слишком прямым, слишком откровенным. Он невольно отпрянул, в голове внезапно всплыло то, что говорил Минь Байгуй в день той самой подмены на свадьбе. И если подумать... всё, кроме части про «сын нечисти», на удивление точно совпадало.

Огромные ладони, словно лапы тигра, прирождённые глаза «призрака» - один карий, другой голубой, и... та самая деталь, которую тот с хриплым смешком сравнил с жеребцом, мол, и вокруг пояса обернуть может...

Жун Фэн тоже понял, что ситуация вышла из-под контроля. Честно говоря, он никогда не воспринимал Бянь Хуна как мужчину. Тот был выдан замуж в качестве «невесты» и в сознании Жун Фэна таким и остался: не имевшим чёткой половой принадлежности, чем-то ближе к принимающей стороне. В теле возникло чувство стыда, знакомое тем, кто обнажён перед лицом противоположного пола, и Жун Фэн торопливо схватил с шеи шарф, прижал его к ногам, прикрываясь.

В этот момент старый лекарь как раз вернулся с мазями. Подошёл и увидел: оба молодых человека с одинаково красными лицами, воздух буквально звенит от неловкости, а Жун Фэн и впрямь всё ещё пытается прикрыться.

— Эй, ну что ты, — проворчал он, — да чего он в своём-то мужчине не видал? Всяко в жизни случается, стыд потом будет, а сейчас давай-ка сначала с ожогом разберёмся.

Он наклонился к ноге Жун Фэна, осмотрел повреждение и, кивнув, пробормотал:

— Хорошо хоть, что штаны были плотные, да ещё и сняли их быстро. А то если б летом, с тебя бы кожа слезла.

Пока старик мазал рану, Бянь Хун отошёл в сторону и взял со стойки сухую салфетку, чтобы вытереть пролитый бульон с брюк Жун Фэна, которые всё ещё скомкано лежали у его лодыжек. Если оставить их мокрыми, на холоде они задубеют и, теряя форму, начнут натирать ожог -

будет и холодно, и больно.

— Эй, ты, заморыш паршивый! Иди сюда! Руки-крюки, смотри, как человека облил! Хорошо, что по бедру, а если бы чуть в сторону? Человек, между прочим, только женился! Вот уж точно надо с тебя шкуру спустить!

Старик, рассерженный до предела, начал метаться по аптеке, ища, чем бы всыпать мальчишке. Маленький ученик совсем оцепенел от страха - и от тех странных "пугающих" глаз, и от своей вины: облил клиента, да ещё и таким горячим. А хуже всего боялся, что дедушка прогонит его. Ведь у него и правда больше никого не осталось: когда семья бежала от голода, кто-то умер, кого-то продали, а сам он чуть не погиб от голода на улице. Только этот старый лекарь тогда подобрал его, взял к себе и спас.

— У-у-у, дедушка, не гони меня, — зарыдал он, едва дыша. — У меня нету дома... все умерли, когда бежали... у меня только ты остался... дедушка, не гони...

Бянь Хун, услышав это, бросил взгляд на мальчика. Хоть тот и выглядел сейчас чисто и аккуратно, по всему его облику всё ещё читалась нехватка питания и сил, как у него самого в своё время. Одиноким, хрупким, будто выброшенная ветром щепка.

Старик наконец вздохнул, подошёл к ученику, взял его за руку, погладил по голове и, притянув к себе, подвёл к Жун Фэну:

— Мальчишка ещё глупый, не взыщи. Я уж тебе рану как следует вылечу, ни следа не останется. А ты, — повернулся он к мальчику, — давай, говори брату что-нибудь хорошее. Извиняйся, как должен.

Но маленький ученик, сжавшись в комочек, так и не смог вымолвить ни слова извинения - он дрожал при одном взгляде на Жун Фэна, словно тот был не человеком, а неведомым чудовищем. Жун Фэн же, дождавшись, пока на обожжённое бедро наложат повязку, сразу натянул штаны. Когда дед с внуком подошли к нему с извинениями, он заметил, как у мальчика побелело лицо от страха. Неожиданно даже для себя, он чуть склонился, а затем опустил на лоб шляпу пониже, скрывая глаза.

— Это я его напугал. Ничего страшного, — глухо сказал он. — Прощайте.

Он молча взял вещи и вышел, больше ни словом не обмолвившись о том, что на дворе уже почти стемнело и им вообще-то негде было остановиться на ночлег.

Бянь Хун остался, чтобы принять из рук старого лекаря мазь от ожога и внимательно выслушал все указания, как правильно её использовать. А на прощанье, уже обернувшись к выходу, он вдруг задержал взгляд на том самом мальчике, который, увидев, как страшный "синеглазый" ушёл, постепенно перестал всхлипывать.

Бянь Хун на мгновение встретился с ним взглядом, и затем спокойно спросил:

— Разве ты не заметил, как красивы его глаза?

Мальчишка замер. Он и правда до этого видел только "инаковость", не такую, как у всех, пугающую необычность этих глаз, и не стал приглядываться повнимательнее.

То, чего никто прежде не видел, то, что выбивается из привычного, что иначе устроено, слишком часто получают клеймо: "нечисть", "порождение зла", "чудовище". Слова страшные, выдуманные, уничижительные. Но почти никто не пытается взглянуть по-другому, просто, по-человечески, увидеть за этой инаковостью красоту, редкость, особенность. Увидеть как океан: глубокий, завораживающий, один-единственный в своём роде.

Выйдя из лавки, Бянь Хун поспешил ускорить шаг, хотелось как можно скорее нагнать мужчину, который вышел раньше. Пока он слушал наставления старого лекаря, неизвестно, как далеко тот мог уйти, вдруг уже за пределами улицы?

Но, сделав всего несколько шагов, Бянь Хун остановился. Мужчина стоял недалеко, в тени, на пересечении улицы и переулка, рядом со своей лошадью, спокойно, никуда не торопясь, будто просто ждал его.

— Пойдём сначала за покупками к празднику, — сказал он.

После лютой зимы приближается праздник весны. Для деревенских это значит нужно пройти не один ли, добраться до людного места, чтобы купить всё необходимое к празднику: к столу, к одежде, к жизни. Даже если беда, даже если за спиной голод или война, ничто не может заглушить ту человеческую силу, что, подобно сухой траве под палящим солнцем, всё равно прорастёт после огня. Пусть не с размаху, пусть сначала на коленях, но народ встанет. Обязательно встанет.

На этой улице торговали всем, чем только можно: от еды до полотна, от соли до инструментов. Большинство сделок даже не требовали серебра, хватало простого обмена: вещь на вещь. Но дорога домой долгая, и двое путников останавливались только у действительно нужных лавок.

Они купили рис, соли, зашли за вином. А вот мимо лотка с сахарными фигурками Бянь Хун прошёл, едва бросив взгляд. Зато Жун Фэн остановился и молча купил три фигурки, тонкие, хрупкие, не больше половины ладони каждая, но искусно сделанные, ведь ремесленник этим и кормится. Он аккуратно завернул их в промасленную бумагу и спрятал в рукав.

Бянь Хун это заметил и понял. Понял и оценил. В их доме всего несколько человек. Для кого именно предназначены эти сладости, догадаться несложно.

Когда солнце клонилось к горизонту, они уже в тишине завершили все покупки. Как раз

подошли к концу улицы - над входом в заведение с характерным запахом еды развевалась на ветру вывеска: «Суп из баранины семьи Сунь». Воздух наполнился густым, пряным ароматом. Жун Фэн вспомнил испуганного мальчишку из лавки, его испуганный крик, и ту обронённую перед тем фразу, что суп этот «согревает и даёт силы».

— Пошли, — сказал он. — Суп из баранины.

Бянь Хун на мгновение опешил. Они ведь брали с собой достаточно сухого пайка, можно было и не тратиться. Но в голосе мужчины прозвучала такая уверенность, такая простая, но неоспоримая решимость, что Бянь Хун вдруг уловил в ней что-то большее. Он опустил глаза, скрывая лёгкую, почти незаметную улыбку, коснувшуюся его губ.

— Ладно.

И они, привязав лошадей, уселись в той самой закуской тётушки Сунь у входа в переулок, глядя на редких прохожих и торговцев на улице, и каждый съел по чашке горячего бараньего супа. Суп и вправду оказался согревающим, тепло словно поднималось из желудка и разливалось по всему телу. Когда они снова взяли коней под уздцы и тронулись в путь, настроение заметно улучшилось, настолько, что Бянь Хун, проходя мимо знакомого ломбарда, лишь слегка скользнул по нему взглядом и тут же отвернулся, не задерживаясь.

Ночью дорога была плохо различима, да и лошадей нельзя было гнать, поэтому после заката Жун Фэн и Бянь Хун снова остановились на ночлег в том самом полуразвалившемся храме, чтобы передохнуть.

Но теперь Бянь Хуну уже не нужно было настороженно опасаться спутника, не нужно было, как прежде, загонять Жун Фэна за статую божества, прежде чем с опаской приблизиться к огню. Они вместе развели костёр: Бянь Хун подогревал сухой паёк, Жун Фэн собирал траву для лошадей и подмешивал к ней зерно из вьючных мешков.

Было зябко. Греясь у огня и вспоминая прошлое, Бянь Хун заговорил:

— Тех двух волков, которых ты застрелил... почему за ними гналась вся стая?

Жун Фэн не ожидал, что маленький ланьцзюнь заинтересуется этим делом, но всё же ответил:

— У зверей есть свои порядки. Тот, кто подхватил бешенство и беснуется в горах, становится бедствием для округа. Горный владыка Шаньцзюнь велит каждому племени самим расправляться с такими.

Бянь Хун кивнул. Такие вещи, как «горный владыка», похожие на мифы и предания, с тех пор как он очнулся в этом мире, он предпочитал считать существующими.

— Волчья стая на тебя не нападает?

Жун Фэн некоторое время молчал. Бянь Хун уже подумал, что задал лишний вопрос, как мужчина пошевелил кочергой угли, и дрова с сухим треском разгорелись ярче.

— Я вырос в горах. В детстве не умел говорить по-человечески. Меня подобрал учитель, только тогда я и научился быть человеком.

Бянь Хун резко вскинул голову и в свете костра увидел тот самый голубой глаз Жун Фэна. Он подумал: всё-таки спросил лишнее.

Иногда, чтобы быть человеком, и правда лучше всего молчать.

<http://bllate.org/book/13502/1199901>